

УДК 316.77

Т. С. Николина

Белорусский государственный экономический университет

КОММУНИКАТИВНАЯ ДИНАМИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

С установкой на изучение города как гибридной, комплексной среды, где объединены физическое, технологическое и символическое начала, проводится анализ городского пространства. Отмечается, что городское пространство представляет собой сегодня не просто структуру, состоящую из центра и периферии, а сеть со значимыми в коммуникативном плане местами, которые подвержены динамике. Рассматривается символический капитал традиционной центрообразующей структуры города — его главной площади во взаимодействии с социально обусловленным контекстом городской жизни. Делается вывод о том, что на коммуникативные трансформации в городском пространстве и, соответственно, на формирование узлов в сети как зон интенсивной коммуникации воздействуют социально-культурные факторы, а коммуникация, выстраиваемая по горизонтали, приводит к динамике в социализации и индивидуализации городской среды.

Ключевые слова: коммуникативное пространство города, коммуникационная сеть, коммуникативная динамика, символический капитал, фатическая функция, семантическая структура.

T. S. Nikolina

Belarus State Economic University

COMMUNICATIVE DYNAMICS OF THE URBAN SPACE

The given analysis of the urban space is based on an understanding of the city as a hybrid, complex environment that unites the physical, the technological, and the symbolic. It is noted that the urban space is viewed not only as a structure with the center and the periphery but as a network of meaningful in a communicative sense dynamic sites. One of the focus areas of the study is the symbolic capital of the traditional center-forming structure of the city its central square — and it is being considered in connection with a socially conditioned context— of urban life. The inference is that socio-cultural factors influence communicative transformations in the urban space and therefore the formation of nodes in the network as zones of intensive communication and that the horizontally-built communication leads to dynamics in the socialization and individualization of the urban environment.

Key words: Communicative Space of the City, Communication Network, Symbolic Capital, Phatic Function, Semantic Structure.

Введение. Современные подходы к городским исследованиям предполагают междисциплинарность и оптический плюрализм. Направление, явно обозначившее коммуникативный сдвиг, — urban communication studies — оформилось во второй половине XX века. Революционным назвать его сложно — сама коммуникативная проблематика никогда не уходит с повестки дня. Однако осмысление ее в урбанистическом ракурсе, особенно в последние десятилетия, в силу все той же междисциплинарности методологически и концептуально разнонаправленно и к сегодняшнему дню пережило свои периоды пиков и кризисов. Одни авторы склонны видеть в человеческой коммуникации и ее развитии единственное объяснение зарождения и роста городов, другие, напротив, причиной считали процесс урбанизации — именно он оказывает воздействие на изменения в системе коммуникации. Тем не менее определяющей на сегодняшний день является установка на рассмотрение города как комплексной, ги-

бридной среды, такого пространства, в котором тесно переплетены физическое, технологическое и, как следствие, символическое начала. Последнее складывается как совокупность образов реальных объектов, культурных представлений о них и их эмоциональных переживаний и впечатлений *hic et nunc*.

Основная часть. «Сравнение города с книгой и с текстом банально и в рамках человеческой культуры старо как Гомер. Да, городская среда подобна письменности — строители и жители годами и столетиями пишут этот текст, читают его, редактируют, меняют шрифты и форматы. Древние города похожи на бесконечные летописи, современные — на модный полиграфический или даже интернет-дизайн» [1]. В. Беньямин назвал город «машиной для жизни», у К. Дойча город уже «машина коммуникации», а его эффективность измеряется количеством контактов, которые он способен предложить.

От города как элемента художественного мышления с совокупностью выразительных

средств в европейской литературе, живописи, архитектуре, кинематографе, где функция следует за формой, к интерактивному городу, городу как сети [2], городу как коммуникационной среде, где скорее форма следует функции. От мифологий (в бартовском смысле) [3] концентрической и эксцентрической моделей городского устройства, через «петербургский текст» в соотношении с «московским» (концепции Ю. М. Лотмана [4], В. Н. Топорова [5]) к мифологиям городских типажей и мифологиям, создаваемым в пространстве медиакоммуникаций. Город как *medium* и есть само соощение [6].

Почему сеть? Это паттерн, общий для всех видов жизни, — пишет Ф. Капра, — где бы ни находили жизнь, мы находим сети [7]. Кроме того, человеку свойственно сакрализировать пространство в процессе культурного освоения: в его представлении — это семантическая сеть со своей иерархией, смыслами и знаками. Для нас принципиально важно, что сеть рассматривается как совокупность узлов, наиболее важные из которых называются «центрами». Это уже не иерархически выстроенный по вертикали центр, а гибкая ризоматическая структура, больше ориентированная на горизонталь, некая «*software culture*», в терминологии Льва Мановича [8]. Между узлами коммуникативной сети города по визуальным, аудиальным и событийным каналам движется информация. Функционирование сети осуществляется по программе, создателями которой являются живущие здесь люди. Они, как показывает практика, способны вносить изменения в программу в соответствии со своими ценностями и интересами. В таком случае ни одна структура не может оставаться статичной, а идентичность ее сохраняется благодаря установлению новых связей.

В подобной динамике постоянно взаимодействующими оказываются три измерения: семантическое (те значения и смыслы, которые присущи пространству города и отдельным его местам), синтаксическое (перекомпоновки смыслов и значений во времени) и прагматическое (непосредственные действия, которые сопряжены со смысловыми перекомпоновками и изменениями в программе).

Очевидно, что в попытке объяснить актуально сложившуюся городскую коммуникационную сеть с неким реестром коммуникационных узлов важно понимать семантическую структуру города, которая всегда индивидуальна, несмотря на некие общие принципы функционирования. В историческом смысле опорными точками этой семантической структуры выступают объекты с высокой степенью культурного

престижа и бэкграунда, их материальной и идеальной (символической) природы, их положения по отношению к центру и периферии, взаимосвязи с другими объектами или семантической отдельности. Традиционный концентрический (и иерархический) принцип построения города предполагал собирание пространства вокруг центра (остров Сите — сердце Парижа — ладья, девиз которой *Fluctuat nec mergitur*), часто на возвышенном месте, как Иерусалим, на семи холмах, как Рим, с четко выраженной «верхней», исторической частью, как в Лионе, Бергамо. Более демократическая модель основана на прямоугольной композиционной сети и идее равноправного соседства *neighborhood*. Понятие центра, прежде всего делового, выражено означающим *downtown*, отсылающим к нью-йоркскому контексту. Нижний город — Южный Манхэттен — исторически первичен и на карте расположен внизу. Примечательно, что современная деловая часть европейских и азиатских городов обустраивается по североамериканской аналогии: плотно примыкающими друг к другу небоскребами и объектами современной архитектуры и дизайна, среди авторов которых Фрэнк Гери, Заха Хадид, Сантьяго Калатрава и др.

Рассмотрим один из структурообразующих (в том числе и символически) атрибутов города — площадь. Несмотря на то, что сегодня площадь уже не играет той роли, которую исполняла раньше, она, несомненно, вносит вклад в оформление городской идентичности и коммуникативных перестроений (ср.: Красная площадь для Москвы и для России, площадь Независимости (майдан Незалежности) для Киева и Украины), в происходящие семантические и символические перекодировки городского пространства.

В сети городских площадей площадь, имеющую статус центральной, можно рассматривать как узловую точку, поскольку центр — всегда начало, исток, но это еще и фокус — пространственный, временной и коммуникативный, основное место взаимодействия власти с народом, которое визуально воплощает эту коммуникативную вертикаль. Центр города, его центральная площадь — это еще, как правило, и то место, которое обязательно посещается всеми, кто приезжает в город первый раз, начало знакомства с городом. Знаковым и значимым становится все, что на ней находится и к ней относится (например, название). Это «место памяти» поколений и место корректировки означающих — зданий, сооружений, действий, происходящих на ней. Именно на такой площади совершаются важные государственные ритуалы и выполняется, в терминах коммуникации,

фатическая функция — функция контакта. Язык архитектуры здесь подчинен властной риторике, ее предназначение — служить декорацией спектаклей, происходящих на площади, она многозначительна, грандиозна и устремлена в будущее.

Неслучаен символический капитал площади, который накапливался исторически: изначально это пространство вокруг святилища или на перекрестке важных путей сообщения в прямом и переносном смысле. Так, в классической агоре объединялись три начала: религиозное, политическое и торговое. «На агору отправлялись по самым разным причинам: на Собрание или в суд, вести тяжбу, за покупками, отдохнуть в тени портиков», «Агора была также местом бесед: заведения на площади обычно посещали не только ради покупок или наведения красоты, но и для того, чтобы поболтать», «Тот, кто не ходил на агору, считался в полисе маргиналом». Иными словами, агора была «пространством для обмена мнениями, общедоступным садом для прогулок, местом отправления культа, национальным музеем, местом политических собраний» [9, с. 51]. Примечательно, что свою архитектурную форму, в которой организующее начало передавалось бы через здания, агора приобретает гораздо позже, когда теряет свое значение.

В этом отношении интересная картина сложилась в Париже: статус центральной имеет площадь Звезды, при том, что есть здесь место, гораздо больше подходящее на роль такого коммуникативного центра, — обладающая неоспоримой аурой площадь Согласия. Так, когда-то В. В. Маяковский заявил: «я б женился на Place de la Concorde». Характерно, что название свое при всей нелюбви французов к переименованиям она меняла несколько раз: изначально носила имя Людовика XV, в эпоху революционных потрясений она стала площадью Революции. При Директории в конце XVIII века получает название, которое сохраняет и ныне, а в период Реставрации теряет его. Но уже с 1830 года носит его бессменно. Именно здесь, если сравнивать эту площадь с площадью Звезды (Шарля де Голля), обнаруживаются важные в символическом плане элементы. Это, прежде всего, Луксорский обелиск — та колонна, ось, которая связывает и организует пространство по вертикали, горизонтали, по линии «прошлое — будущее». Исторически в вертикали колонны сконцентрирована символика связи неба и земли, верха и низа, а в контексте власти — сакральное ее понимание — служить посредником между богами и простыми смертными. Египетская тема пересекается с французской и символически воплощает идею цивили-

зации и просвещения: именно французской наполеоновской армии принадлежит заслуга переоткрытия древней египетской культуры, а французу Шампольону — расшифровки египетских иероглифов. Стилистически эта тема продолжается в стеклянной пирамиде Лувра и расположенных неподалеку площади и улице Пирамид. Обелиск на площади Согласия подобен обелиску на площади Святого Петра в Риме, который был поставлен в центре находящегося на этом месте прежде цирка Нерона, где, по преданию, казнены апостолы Петр и Павел. Позже, правда, в отличие от парижского, римский обелиск был освящен и очищен от «языческой скверны», в то время как «египетская» тема в Париже, напротив, обыгрывается.

Луксорский обелиск стал центром пересекающихся дорог, одна из которых идет от Триумфальной арки на площади Звезды через Елисейские поля до Триумфальной арки Карусели через сад Тюильри. Вторая — от церкви Мадлен к Бурбонскому дворцу. Вокруг обелиска по периметру площади расположены восемь женских скульптурных фигур, символизирующих восемь главных французских городов: Страсбург, Лион, Марсель, Бордо, Нант, Брест, Руан, Лилль. Декоративности площади добавляют фонтаны — реплика римской площади Святого Петра. Здесь казнили, заменив королевскую статую гильотиной, здесь проходили манифестации — у статуи Страсбурга протестующие требовали возврата Эльзаса, здесь празднуют, например, день взятия Бастилии.

У площади Звезды своя символика, однако не столь богатая в эмоционально-эстетическом отношении. Главное сооружение здесь — Триумфальная арка, вокруг которой практически отсутствует место для сбора в традиционном понимании площади как открытого пространстве, способном вместить множество людей. Она служит скорее географическим, нежели символическим центром — перекрестком двенадцати лучей-дорог, существующих со времен префекта департамента Сена барона Османа. Хотя контекст и самой Триумфальной арки, которая была построена в честь военных побед (Аустерлиц) и Елисейских полей (Элизиума — там первоначально пребывали только герои) — военный. Со своим языком: вечный огонь, военный парад, возложение цветов. Но это и инаугурационный ритуал с президентским кортежем и приветствующими людьми, что, в свою очередь, прочерчивает свои семантические перспективы от прошлого французской империи к ее сегодняшнему республиканскому достоинству и величию.

Главная площадь Москвы, возникшая на месте прежних Торга, Пожара, изначально рас-

полагалась между собором Василия Блаженного, Спасской башней и Лобным местом и носит название Красная с 1661 года. Эмоционально-эстетическим центром и главным маркером власти является Спасская башня Кремля: вертикаль «верх — низ», ее ворота — вход, начало (царствования, правления, президентства) — через них проходили короноваться все цари, отсюда начинали крестный ход, здесь встречали иностранных послов, отсюда уходили воевать. Ось, объединяющая пространство и время. Она — неотъемлемый визуальный атрибут площади. На ней — главные часы страны, отмеряющие ее время и служащие символической отметкой начала нового года. От нее же начинается некрополь, а на некотором расстоянии находится Мавзолей, символизирующий вечность как архитектурной формой зиккурата — ступенчатой пирамиды, так и сохранившейся здесь мумией первого правителя. Смерть, идущая в паре с жизнью и, в конкретном случае, с властью («надзирать и наказывать») в третий раз транслируется через Лобное место, где не только оглашались указы, но и проходили показательные казни (см. «Утро стрелецкой казни»).

Храм Василия Блаженного или собор Покрова Божией Матери на Рву — один из главных символов не только Москвы, но и всей России. Без этого прообраза Града Небесного на земле символическое содержание площади не получает завершенности. На Руси особо почитали юродивых — здесь святых юродивых было больше всего. И есть глубокий философский смысл для русского сознания в отречении от «мира дольного», «безумия» по отношению к нему.

Исторический смысл агоры как места торговли сохраняется благодаря присутствию на Красной площади главного магазина страны — ГУМа, выходящего на нее своим фасадом. Торговые ряды тут существовали изначально (это отразилось и в первоначальном названии площади), но позже они были вытеснены на периферию, однако окончательно все же не исчезли. «У ГУМа уникальная судьба — он открывался тогда, когда Россия поворачивалась в сторону людей, нормальной городской жизни, даже счастья. Мода в ГУМе, демонстрационный зал, пластинки в ГУМе, мороженое в ГУМе — все это стало московскими символами. И все это исчезало, когда мы поворачивали в другом направлении. А открывался и закрывался он неоднократно» [10].

Красная площадь традиционно выступает пространством коммуникации и в метаязыковом (коды), и в поэтическом (эстетические смыслы), и в фатическом (контакт) планах. Здесь регулярно проводились и проводятся

демонстрации, военные парады, здесь устанавливается главная елка страны, здесь заливается каток. Неформальное начало коммуникации иногда проявлялось достаточно сильно: чемодан Луи Виттон, перформанс Григория Павленского, самолет Матиаса Руста. Однако реакции на это неоднозначны: очевидно, не все готовы принять изменения в коммуникативной программе, связанные с десакрализацией главной площади.

С главной площадью Минска ситуация неоднозначная: кто-то сразу же называет площадь Независимости, кто-то Октябрьскую (раньше Центральная). Связано это с неоднократной сменой статуса «центральная». Изначально главная роль была отдана площади Ленина, и как таковая она застраивалась. Дом правительства, Мингорисполком, Главпочтамт, здания двух вузов страны, костел, памятник Ленину — символический капитал относительно небогат. С одной стороны, город практически заново строился после войны, с другой — само место в истории города особой эмоциональной маркированностью не отличается. Возможно, отчасти поэтому одним из вариантов архитектурного оформления был проект по соединению этой площади с привокзальным районом: главные здания города, создающие облик города и закрепляющиеся в памяти приезжающих в город и прощающихся с ним.

Достаточно большая по размеру Октябрьская площадь неуютна и вряд ли способна вызвать сильный эмоционально-эстетический эффект. Она скорее напоминает типовую площадь обычного советского города со зданием горкома и пустырем перед ним, хотя и более основательна и внушительна по размеру. До 1984 года площадь называлась Центральной. Однако застраивалась она медленно и с большими усилиями — не хватало ресурсов. Одно из зданий-долгожителей — бывший «дом Борща» — Дворец профсоюзов, открытый в 1956 году.

Монументальное сооружение — Дворец Республики — сдан в эксплуатацию в самом конце 2001 года. Его предназначение — проведение деловых встреч, форумов, конференций самого высокого уровня, массовых мероприятий, спектаклей, концертов, выставок, новогодних елок и выпускных балов с президентом. Это здание называют последним памятником уходящей советской архитектуры. Памятную функцию исполнял находящийся на площади музей истории Великой Отечественной войны, который относительно недавно был перенесен в другое место.

На Октябрьскую площадь не слишком принято приходить с целью прогуляться: в тени массивного Дворца Республики человек теряется.

Как отметил в своей книге немецкий историк Т. Бон, площадь спроектирована так, чтобы человек ощущал себя мизерным и одиноким, т. е. символически площадь не объединяет, а разъединяет. Об этом (в более мягкой и более жесткой форме) говорят и комментарии на TripAdvisor: «Октябрьская площадь перед дворцом Республики – огромная, безликая и устрашающе пустая... в ней нет жизни», «Большая площадь, наверняка там проводят мероприятия. Жалко, что на майские праздники ничего не было». И если Красная площадь — самое посещаемое место, то Октябрьская площадь Минска находится в четвертом десятке.

Значительная по размеру поверхность ничем по оси не обозначена, хотя примечательна еще и тем, что здесь символически отмечено начало начал – нулевой километр, отсюда по замыслу расходятся все дороги.

Здесь ставится елка, заливается каток, устраиваются торговые палатки, проводятся военные парады (с 1957 года руководство принимало парады и приветствовало демонстрации со специально построенных с противоположной стороны проспекта трибун). Однако этот канал коммуникации в большей степени регламентируется властью. Возможно, отчасти и по этим мотивам возникает альтернативное место для общего времяпрепровождения — площадь Свободы, которая в последние годы оформилась как эмоционально-эстетический центр. Это место воспринималось как сердце города и символически его воплощало: площадь с момента возникновения в XVI в. была административным, торговым и культурным центром, а благодаря своему расположению на возвышенности служила для Минска маркером Верхнего города («высокий», «верхний» фигурировали и в названиях площади). За все время своего существования площадь не теряла статус культурного центра, очевидно, поэтому сюда постепенно перемещается и центр общегородской коммуникации, в которой почти не слышен голос власти. Это своего рода коммуникативная альтернатива двум другим площадям, объединяющая горожан и гостей города на несколько летних вечеров западной, некогда запрещенной музыкой — здесь проходят джазовые вечера и над ступеньками, на которые можно по-европейски присесть (хотя практика эта для Минска не слишком распространенная, несмотря на стереотип о самом чистом городе), витает воздух свободы. Отсюда же стартует вереница модных баров. Есть своя точка притяжения для любителей делать фото (скульптура «Экипаж»).

Очевидно, речь должна идти о той коммуникативной перестройке, которая связана

с исторической памятью и определенными чувствительными метками в человеческом сознании, а также комфортностью среды и относительной камерностью атмосферы. Здесь мы наблюдаем переход коммуникативной вертикали в сетевую горизонталь и оформление соответствующего узла интенсивного взаимодействия.

Альтернативный коммуникативный узел, но с более хипстерским уклоном, сформировался на улице Октябрьской. Это уже более актуальное сейчас открытое пространство, назначение которого — формировать креативную среду, что, в конечном итоге, в условиях глобальной конкуренции городов направлено на привлечение интеллектуальных ресурсов и борьбу за «умного горожанина». В частности, на площадке ОК 16 достаточно часто организуются разного рода мероприятия. Аналогичную роль ставит перед собой и культурный центр «Корпус».

Новый тип социальной коммуникации со свободой действия в физической среде оказывает воздействие на переформатирование урбанистического пространства в самых неожиданных местах — заброшенных заводских территориях, которые вдруг становятся модными.

Что касается тенденции последних десятилетий — оформления делового центра (ср., например, Дефанс в Париже, Москва-Сити, Потсдамер платц в Берлине) — в Минске такой коммуникативный узел, включающий в себя помимо бизнес-деятельности еще и рекреационную составляющую, не сложился. Специфическим аналогом может выступать Парк высоких технологий, но у него несколько другой ориентир. Сама структура парка скорее не городская, а экстерриториальная и оформилась по модели neighborhood.

Заключение. По существу, решающими для переключения канала коммуникации оказываются культурно-социальные маркеры. Кроме того, сегодня на коммуникативной эффективности городского пространства сказывается такой фактор, как наличие не только ориентированной на обратную связь, но и открытой для диалога среды. Это создает возможности для многообразия культурных практик здесь и сейчас и, тем самым, способствует социализации и индивидуализации городского пространства.

Таким образом, одним из основных выводов можно считать тезис о том, что город, как коммуникативное пространство, несмотря на кодовую гетерогенность и референциальную неоднородность, накапливает и воспроизводит символический капитал, который, в совокупности с социальным контекстом, приводит к трансформациям в его среде, идентичность

которой поддерживается вновь возникающими связями и узлами коммуникационной сети. Это уже не жестко централизованная структура, а

сеть с зонами интенсивной коммуникации и нетворкингом по интересам, увлечениям, тематике и деятельности.

Литература

1. Гатов В. Город как сообщение // Ведомости: электронное периодическое издание. 2006. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/31/692236-gorod-soobschenie> (дата обращения: 15.05.2018).
2. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
3. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2010. 351 с.
4. Лотман Ю. М. Символические пространства // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2010. С. 297–333.
5. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПб., 2003. С. 616.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. М.: Гиперборей, 2007. 464 с.
7. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. К.: София; М.: ИД «София», 2003. 336 с.
8. Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.
9. Куле К. СМИ в Древней Греции. М.: НЛЮ, 2004. 256 с.
10. История ГУМа // ГУМ: сайт. URL: <https://gum.ru/history/> (дата обращения: 27.05.2018).

References

1. Gatov V. *Gorod kak soobshcheniye* [City as a message]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/31/692236-gorod-soobschenie> (accessed 15. 05. 2018).
2. Kastell's M. *Vlast' kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki Publ., 2016. 564 p.
3. Bart R. *Mifologii* [Mythology]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2010, 351 p.
4. Lotman Yu. M. Symbolic Spaces. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Peterburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 2010, pp. 297–333.
5. Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: izbrannyye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Proceedings]. St. Peterburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 2003. 616 p.
6. Maklyuen M. *Ponimaniye media: vneshneye rasshireniye cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Giperboreya Publ., 2007. 464 p.
7. Kapra F. *Pautina zhizni. Novoye nauchnoye ponimaniye zhivyykh sistem* [Web of Life. A New Scientific Understanding of Living Systems]. Kiev, Sofiya; Moscow, ID "Sofiya" Publ., 2003. 336 p.
8. Manovich L. *Teorii soft-kul'tury* [Theory of Soft Culture]. Nizhniy Novgorod, Krasnaya lastochka Publ., 2017. 208 p.
9. Kule K. *SMI v Drevney Gretsii* [Media in Ancient Greece]. Moscow, NLO Publ., 2004. 256 p.
10. Istoriya GUMa [History of GUM]. Available at: <https://gum.ru/history/> (accessed 27.05.2018).

Информация об авторе

Николина Татьяна Станиславовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, пр. Партизанский 26, Республика Беларусь). E-mail: tatiana.nikolina@mail.ru

Information about the author

Nikolina Tatiana Stanislavovna — PhD (Philology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Intercultural Economic Communication. Belarus State Economic University (26, Partizanski Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: tatiana.nikolina@mail.ru

Поступила 09.07.2018